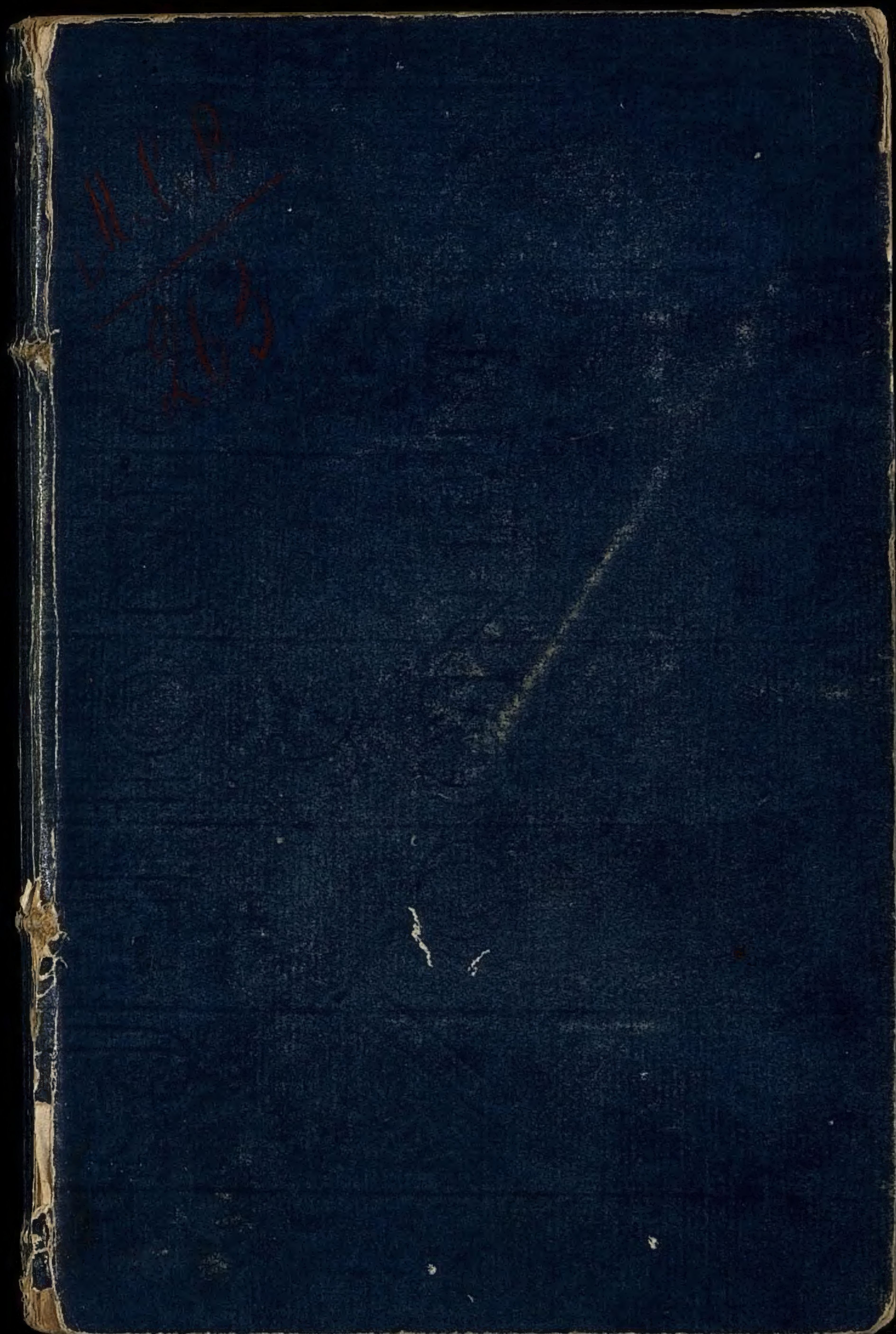
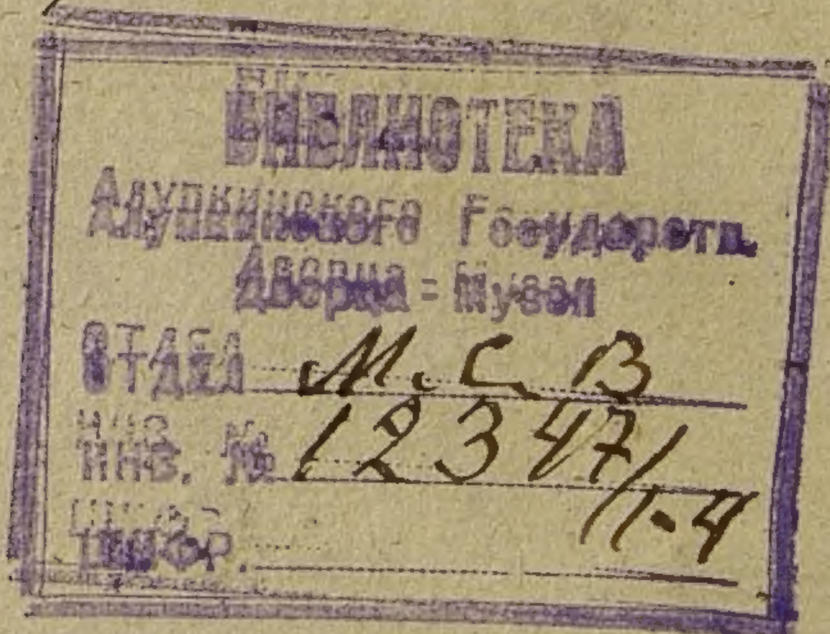
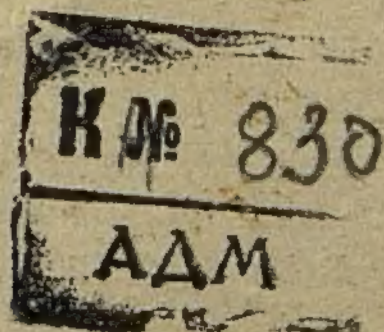

Въ сей книгѣ находятся статьи

1) Спарта
2) Греція
3) Турція
4) Парижъ

СПАРТА.

Цѣна 6. коп.

СПАРТА или ЛАКЕДЕМОНЪ (*въ древ. Геогр.*) Пелопонисскій городъ въ Лаконіи.

При словѣ *Лакедемонъ* обѣщался я сдѣлать описаніе онаго; по чему мнѣ и оставить сего не можно. Одно его имя приводитъ мнѣ на память величайшія произшествія, а наипаче отмѣнную и всѣ другія Греческія города вмѣстѣ превозходившую храбрость. Слава его есть столь громка въ свѣтѣ и въ историческихъ лѣтописяхъ, что вездѣ и непрестанно объ ней упоминается. Писатели жителей сего города обыкновенно именовали *Спартанцами*, а жителей сельскихъ *Лакедемонянами*. Иродотъ, Ксенофонтъ и Діодоръ почти вездѣ симъ именемъ ихъ называли.

Сей городъ построенъ Лакедемономъ, который царствовалъ съ Евротомъ въ Лаконіи въ 67 году Аттической еры, и за 1539 лѣтъ до Рождества Христова.

 Онъ

Онъ назвалъ его *Спартою* по имени своей жены: Гомеръ однимъ только симъ именемъ называетъ Лаконскую сію столицу.

Городъ сей древнѣе Рима 983 годами, Кароагены 867, Сиракузъ 995, Александріи 1405, Ліона 1693, Марселя 1136 годами.

По Полибіеву описанію видъ сего города былъ круглый. Земля подъ нимъ была неровная и преграждалась холмами. Сей историкъ полагаетъ въ его окружности 48 стадій, то есть съ небольшимъ двѣ Французскіе мили: слѣдовательно сія окружность была несравненно меньше Аѳинской, которая простиралась до 100 стадій. При семъ обстоятельствѣ Ѳуцидидъ дѣлаетъ изрядное примѣчаніе о состояніи сихъ двухъ городовъ, которые нѣкогда управляли всею Греціею, и каждый изъ нихъ по своему произволенію. „Естьли бы „представить себѣ, чтобъ городъ Спар„та былъ такъ снятъ съ своего основа„нія, что остались бы одни только „храмы и слѣды его строеній; то „потомство никогда бы не подумало, „чтобъ его могущество и слава достиг„ли до такого степени, на какомъ они „дѣйствительно находились. Естьлижъ

„на-

„напротивъ того городъ Аѳины представить себѣ пустою площадью ; то „видъ оныя всегда заставитъ насъ при„писать ему въ двое больше могуще„ства , нежели сколько онъ имѣлъ въ „самомъ дѣлѣ.

Въ первыя свои времена городъ Спарта не имѣлъ никакихъ стѣнъ; и хотя онъ былъ отвсюду отверстъ , однако Агезилай защитилъ его отъ Епаминонда послѣ Левктрійской битвы. Онъ по изчисленію бо́льшей части историковъ находился въ такомъ состояніи чрезъ 600 или 700 лѣтъ : но во времена Пирровы Тиранъ Навизъ построилъ около онаго стѣны. Филопеменъ приказалъ ихъ разорить, а Аппій Клавдій вскорѣ послѣ того воздвигнулъ ихъ вновь.

Иродотъ утверждаетъ, что въ Ксерксовы времена городъ Спарта могъ вывесть въ поле восемь тысячь человѣкъ могущихъ владѣть оружіемъ ; но сіе число въ послѣдованіи весьма умножилось, и ничто столько не доказываетъ многолюдства Лакедемонской республики , какъ вышедшія изъ нее селенія. Она населила Византію, четыре или пять городовъ въ Асіи , одинъ въ Африкѣ, пять или шесть въ Греціи, три или четыре провинціи въ Италіи , одинъ городъ въ Португалліи , и одинъ въ Гишпаніи

близъ Кордуи. При всемъ томъ многочисленность ихъ жителей произходила единственно отъ плодородія ихъ супружествъ: ибо *Спарта* никогда не дозволяла иностраннымъ поселяться въ своей внутренности, и никакой городъ не былъ столь ревностенъ къ своимъ гражданскимъ правамъ, какъ сей.

Спарта содержима была въ отмѣнномъ почтеніи у Римлянъ, пока оні ею обладали; но она унизилась уже подъ областію Турокъ въ 1640 отъ Р. Хр., семь лѣтъ спустя по взятіи Царяграда, пять по взятіи Аѳинъ, а 3210 лѣтъ отъ своего созданія. Нынѣ называется она *Мизистрою*, которыя описаніе можно видѣть подъ симъ же самымъ словомъ. Я теперь намѣренъ описать, какова она была во времена Павзаніевы: онъ дѣлаетъ ей описаніе, котораго часть я здѣсь прилагаю.

Идучи отъ Ѳорнакса представляется впереди городъ *Спарта*, который такъ назывался со времени своего созданія; но послѣ по имени земли, въ которой лежитъ, названъ *Лакедемономъ*. Въ семъ городѣ находилось множество вещей примѣчанія достойныхъ, и во первыхъ общенародная площадь, гдѣ собирался ихъ Сенатъ, состоящій изъ стариковъ,

коихъ

коихъ было числомъ 28, Сенатъ наблюдателей законовъ, Сенатъ Ефоровъ, и Сенатъ тѣхъ судей, которые назывались у нихъ *Видеенами.* Сенатъ состоявшїй изъ стариковъ былъ самый верьховный судъ Лекедемонскїй, и управлялъ всѣми государственными дѣлами. Протчїе Сенаторы, собственно говоря, были Архонты. Ефоровъ и Видееновъ числомъ было по пяти. Симъ послѣднимъ поручено было смотрѣнїе надъ юношествомъ и присудствованїе при ихъ упражненїяхъ, какъ въ опредѣленномъ для оныхъ мѣстѣ, которое называлось *Платанистою*, такъ и во всѣхъ прочихъ мѣстахъ. На первыхъ налагаемы были важнѣйшїе должности, и въ каждый годъ избираемъ былъ одинъ изъ нихъ для начальства надъ прочими, именемъ котораго и годъ тотъ назывался, точно также какъ и въ Аѳинахъ, девятеро выбирали изъ себя одного, котораго для отличности называли *Архонтомъ.*

Самое лучшее зданїе на сей площади была Персидская галлерея, такъ названная по тому, что она была построена добычами полученными отъ Персовъ. Нѣсколько времени спустя она была еще больше разпространена и украшена. Тамъ находились истуканы всѣхъ варварскихъ военачальниковъ, и между протчими Мар-

донія сына Гобріина. Всѣ они сдѣланы были изъ бѣлаго мрамора, и стояли каждая на особенномъ столбѣ. Тамъ же обрѣтался истуканъ и Артемизы дочери Лигдамовой и Галикарнассиной. Говорятъ, что сія Царица по собственному своему желанію соединила свои силы съ Ксерксомъ для воеванія противъ Грековъ, и что въ корабельномъ сраженіи бывшемъ при Саламинѣ, оказала она удивительные опыты храбрости.

Послѣ Персидской галлереи на сей площади болѣе всего примѣчанія достойны были два храма, изъ которыхъ одинъ посвященъ былъ Юлію Кесарю, а другій Августу его сыну. На жертвенникѣ сего послѣдняго видно было вырѣзанное на красной мѣди изображеніе Агіаса, предсказавшаго Лизандру, что онъ при Егоспотамѣ овладѣетъ всѣмъ Аѳинскимъ флотомъ, кромѣ десяти галеръ, которые и въ самомъ дѣлѣ спаслись ушедши въ Кипръ.

На Спартанской площади видимы были еще три истукана: одинъ Аполлоновъ, другой Діанинъ, а третій Латонинъ. Мѣсто, на которомъ стояли сіи истуканы, была нѣкоторая огороженная окружность, которую называли *хоромъ* по тому, что во время всенародныхъ оныхъ игръ, въ которыхъ молодые

лодые люди показывали свои подвиги, и которые отправляемы были съ великимъ торжествомъ, все юношество собиралось въ оную окружность, и составляло мусикійскіе лики въ честь Аполлону.

Неподалеку оттуда находились многіе храмы: одинъ изъ нихъ посвященъ былъ землѣ, другой Юпитеру Агорейскому, третій Агорейской Минервѣ, а четвертый Нептуну *Асфалійскимъ* прозванному. Аполлонъ и Юнона имѣли также свои храмы; тамъ же видимъ былъ великій истуканъ изображающій Спартанскій народъ; а не много по ниже того мѣста храмъ посвященный Паркамъ. На ряду съ симъ храмомъ находилась Орестова гробница; а подлѣ нее видимо было изображеніе Царя Полидора, сына Алькаменова. Лакедемоняне столь предпочитали сего Царя всѣмъ прочимъ, что всякія всенародныя письменныя учрежденія чрезъ долгое время утверждаемы были его печатью.

На томъ же мѣстѣ стоялъ Меркурій носящій на рукахъ малинькаго Бакхуса, и прозванный *Агорейскимъ*. Близъ тогожъ самого мѣста находилось нѣсколько рядовъ древнихъ истукановъ изображающихъ Ефоровъ тѣхъ временъ.

Между сими истуканами видимы были гробницы Епименидова и Афарея сына Періерова : по правую сторону стояли Парки. Можно было видѣть также и столовые полаты , въ которыхъ Лакедемоняне всенародно обѣдали: сіи обѣды у нихъ назывались *Фидитіами* ; тамъ же стоялъ гостепріемный Юпитеръ и гостепріемная Минерва.

По выходѣ изъ площади въ Перильной улицѣ находился домъ называемый у нихъ *Воонетомъ*. Надъ Сенатомъ Виденовъ построенъ былъ Минервинъ храмъ, въ которомъ , какъ повѣствуютъ , Уликсъ посвятилъ сей богинѣ истукана, подъ именемъ Келевѳійской Минервы , въ память одержанной имъ побѣды надъ Пенелопиными любовниками : онъ построилъ подъ тѣмъ же именемъ и еще три храма въ трехъ разныхъ мѣстахъ. Въ концѣ Перильной улицы находился между прочими гробъ Витязя Іопа , жившаго по мнѣнію нѣкоторыхъ во времена Лелексовы и Милесовы , и гробъ Амѳіараса, сына Оаклесова.

Неподалеку оттуда видимъ былъ храмъ посвященный Нептуну прозванному *Тенарійскимъ* , а близь онаго стоялъ Минервинъ истуканъ. На той же сторонѣ находилась Еллинская или Еле-

нинская

нинская площадь , такъ названная по тому, что во время прехожденія Ксерксова въ Европу всѣ возставшіе противъ него Греческіе городы присылали въ *Спарту* своихъ депутатовъ ; и сіи депутаты собирались на оную для совѣтованія о средствахъ къ сопротивленію толь страшной силѣ. Другіе утверждаютъ , что сіе наименованіе произходитъ изъ дальнѣйшей древности , и что оно взялось еще отъ того ; что всѣ Греческіе Цари предпріявшіе изъ усердія къ Менелаю Царю осадить Трою , собирались на семъ мѣстѣ для разсужденій о семъ походѣ , и о средствахъ отмстить Париду , похитившему Елену.

Поблизости сей площади видна была Талѳивіева гробница ; но Егіонскіе жители въ Ахаїи имѣли на рынкѣ своего города также гробницу , которую они называли Талѳивіевоюжъ. Въ той же части города стоялъ жертвенникъ посвященный Апполлону *Ахриту* , такъ названному отъ того , что сей жертвенникъ построенъ былъ на пригоркѣ. Въ томъ же мѣстѣ находился храмъ Земли , который они называли Газептономъ ; а нѣсколько повыше другой храмъ посвященный Аполлону прозванному *Малеатїйскимъ*. При выходѣ изъ

Периль-

Перильной улицы противъ городской стѣны находилась божница посвященная Диктинну, а рядомъ съ нею гробницы царей называемыхъ *Эврилонтидами*.

Подлѣ Еллинской площади стоялъ храмъ Арсиноинъ, дочери Левкипповой, и племянницы Кастора и Поллукса. Подлѣ валу находился Діанинъ храмъ, а нѣсколько подалѣе могила прорицателей пришедшихъ изъ Илида, которыхъ называли *Ямидами*. Маронъ и Алфей имѣли также свои храмы: оба они были тѣ полководцы, которые по Леонидѣ больше всѣхъ отличили себя храбростію на битвѣ при Термопилахъ. Въ нѣсколькѣ шагахъ оттуда видѣнъ былъ храмъ Юпитера Тропея. Но изъ всѣхъ находившихся въ Спартѣ капищъ въ самомъ величайшемъ почтеніи былъ храмъ матери Боговъ. Поблизости онаго стоялъ героическій монументъ Ипполлита, сына Тлезименова и брата Парфенопеина.

Большая Спартанская площадь имѣла еще и другой выходъ, и при ономъ находилось то зданіе, въ которомъ жители принимали отдохновеніе. Говорятъ, что сіе зданіе соорудилъ Ѳеодоръ Самосскій, который первый изобрѣлъ искуство разтапливать желѣзо, и дѣлать изъ

изъ него истуканы. Къ сводамъ сего зданія привѣшена была лира Тимоѳея Милетскаго, котораго Лакедемоняне казнили за то, что къ семи струнамъ древней лиры придѣлалъ онъ еще четыре.

Въ разстояніи нѣсколька шаговъ отъ Аполлонова храма находились три жертвенника, посвященные Юпитеру Амвулію, Минервѣ Амвуліи и Діоскурамъ, которые также прозваны *Амвуліями.* Противъ оныхъ было возвышенное мѣсто, называемое *Колонною*, на которомъ стоялъ храмъ Бакхуса Колоната. Сей храмъ находился почти въ лѣсу посвященномъ тому Витязю, который имѣлъ щастіе привести Бакхуса въ Спарту. Неподалеку отъ Бакхусова храма стоялъ храмъ Юпитера Еванема, а поблизости сего видѣнъ былъ героическій Плевроновъ монументъ, отъ котораго произходили по матерѣ Тиндаровы дѣти.

Неподалеку оттуда былъ холмъ, на которомъ стоялъ храмъ Аргивской Юноны, посвященный, какъ повѣствуютъ, Евридикою дочерью Лакедемона, женою Акризія сына Авазова. Чтожъ касается до храма Юноны Иперхирійской, то онъ построенъ былъ по изреченію Оракула въ то время, когда рѣка Еврота потопила

пила всѣ поля. Въ ономъ храмѣ находился истуканъ сдѣланный весьма древнимъ вкусомъ и представляющій, какъ говорили объ немъ, Венеро-Юнону. Всѣ женщины имѣющіе дочерей годныхъ къ супружеству приносили жертвы сей богинѣ.

При выходѣ изъ площади къ западу построенъ былъ ѳеатръ изъ бѣлаго мрамора. Противъ сего ѳеатра стояла гробница Царя Павзанія, предводительствовавшаго Лакедемонянамъ на Платейской битвѣ: тутъ же была и могила Леонидова. Каждаго года читаны были надгробные рѣчи симъ двумъ военачальникамъ надъ ихъ гробницами, и сіи рѣчи сопровождаемы были печальными играми, на которыхъ одни только Лакедемоняне допускаемы были въ соперничество о награжденіи. Леонидъ и самымъ дѣломъ погребенъ былъ на семъ мѣстѣ: ибо его кости привезены были Павзаніемъ отъ Термопилъ сорокъ лѣтъ спустя послѣ его смерти. Тамъ же находился столбъ, на которомъ вырѣзаны были имена, не только собственныя но и отеческія тѣхъ славныхъ Витязей, которые удержали стремленіе Персовъ при Термопилахъ. Та часть города, въ которой стояли гробницы Царей *Агидами* прозванныхъ, называлась

лась *Өеомелидою.* Противъ оныхъ находился удѣлъ, въ которомъ собирались Кротаны ; а Кротанами назывался полкъ Питанатовъ.

По томъ встрѣчался Ескулаповъ храмъ, который назывался у нихъ *Еналадономъ*; а не много подалѣе гробница Тенарова, отъ которой извѣстный оный мысъ получилъ свое названiе. Въ той же сторонѣ видимы были храмы Нептуна Иппокурiя, и Дiаны Егинейской : на возвратномъ отъ онаго Кротанскаго удѣла пути находится храмъ Дiаны Иссорiйской, иначе *Лимнейскою* называемой. Поблизости оныхъ Атидовыхъ гробницъ видимъ былъ столбъ, на которомъ изображены были семь побѣдъ, кои одержалъ нѣкто Лакедемонянинъ, именемъ Анхiонисъ, на Олимпiйскихъ играхъ и въ другихъ мѣстахъ : въ сей же сторонѣ находился и храмъ Өетидинъ. Чтожъ касается до служенiя Цереры Кѳонiйской въ Спартѣ учрежденнаго, то жители думали, что они его приняли отъ Орфея : но вѣроятнѣе будетъ, что они его переняли у жителей Ермiонскихъ, у которыхъ сiя богиня почитаема была подъ симъ же самымъ именемъ. Спарта имѣла въ себѣ также храмъ и Серапидинъ и Юпитера Олимпiйскаго.

Въ

Въ семъ городѣ было еще мѣсто называемое *Дромосъ* (ристаніе), на которомъ ихъ юношество приучалось къ бѣганію. Естьли войти въ него отъ Агидовыхъ могилъ, то по лѣвую сторону видима была Евмедова гробница, сына Иппокоонова; а чрезъ нѣсколько шаговъ отъ нее древній Геркулесовъ истуканъ. Сему то Богу и на семъ самомъ мѣстѣ приносили жертвы молодые Лакедемоняне выходящіе изъ юношества и вступающіе въ число совершенныхъ людей. На семъ Дромѣ находились двѣ гимназіи, или училища, изъ которыхъ одно опредѣлено къ сему дѣлу Евриклидомъ Спартанскимъ. Внѣ сего мѣста, и поблизости Геркулесова истукана видѣнъ домъ, который нѣкогда былъ Менелаевъ; а еще далѣе стояли храмы Діоскуровъ, Грацій, Люцинниинъ, Аполлоноа Карнея, и Діаны Егемаки. По правую сторону Дрома видимъ былъ храмъ Агнатадовъ: симъ именемъ называли Ескулапа по имени того дерева, изъ котораго былъ сдѣланъ его истуканъ.

Прошедши Эскулаповъ храмъ видѣнъ былъ Трофей, который, какъ повѣствуютъ, поставилъ Поллуксъ въ знакъ побѣды, кою онъ же самъ одержалъ надъ Линцеемъ. Діоскуры имѣли свои истуканы при входѣ въ Дромъ, какъ

такія божества, которые имѣютъ въ своемъ охраненіи перегородки. Поступая далѣе встрѣчается героическій Алконовъ монументъ. А чрезъ нѣсколько шаговъ оттуда обрѣтался храмъ Нептуна прозваннаго *Доматилемъ*. За онымъ было мѣсто, которое у нихъ называлось *Платанистою* (кленникомъ) по причинѣ великаго множества большихъ кленовъ, коими оно было наполнено.

При семъ кленовомъ лѣсѣ видимъ былъ еще героическій монументъ Циниски, дочери Царя Архидама. Позади находящейся тамъ галлереи обрѣталисъ и другіе героическіе монументы, какъ то Алкимовъ и Енарефоровъ; а за сими Дорсеинъ и Себровъ. Отъ Дорсеи получилъ себѣ имя въ близости находящійся источникъ, а отъ Себра его именемъ прозвана улица сей части города. По правую сторону Себрова монумента видна Алкманова гробница Тамъ же обрѣтались храмы Еленинъ и Геркулесовъ; первый изъ нихъ находился гораздо ближе отъ Алкмановой гробницы, а вторый противъ городской стѣны. Въ семъ послѣднемъ стоялъ вооруженный Геркулесовъ истуканъ. Говорятъ, что Геркулесъ для того изображенъ былъ въ семъ видѣ, что онъ въ ономъ сражался съ Иппокоономъ и его дѣтьми.

При выходѣ изъ Дрома на возточной сторонѣ находился храмъ посвященный Минервѣ Аксіопенѣ, или Мстительницѣ. Минерва и еще имѣла храмъ на сей же улицѣ, но онъ стоялъ по лѣвую сторону выходу изъ Дрома. По томъ видимъ былъ храмъ Иппосѳена, прославившагося многими побѣдами на борьбѣ: а противъ сего храма стоялъ весьма древній истуканъ представляющій скованнаго Марса точно по той же причинѣ, по какой и въ Аѳинахъ изображена была побѣда безъ крыльевъ: ибо Лакедемоняне думали, что скованный Марсъ будетъ всегда жить съ ними, такъ какъ и Аѳиняне думали, что побѣда не имѣя крыльевъ не можетъ перелетѣть отъ нихъ на другую какую либо сторону. Вотъ причина побудившая сихъ народовъ изобразить такимъ образомъ сіи божества. Въ Спартѣ былъ еще и другой удѣлъ, который у нихъ назывался *Пекилемъ.*

Подлѣ самаго сего мѣста видимы были героическіе монументы Кадма, сына Агенорова; Эолика, сына Ѳерасова; и Егея, сына Еоликова. Думаютъ, что Мезидъ, Леантъ и Европадъ, сынъ Иреевъ, и внукъ Егеевъ воздвигли сіи монументы. Они соорудили также монументъ и Амфилоху для того, что

Тиза-

Тизаменъ ихъ предокъ родился отъ Демонассы сестры Амфилоховы. Изъ всѣхъ Грековъ одни только Лакедемоняне почитали Юнону подъ именемъ богини Егофаги, и приносили ей въ жертву оленя. По выходѣ на дорогу ведущую къ ѳеатру, видимы были тамъ храмъ Нептуна Генеѳлія, и два героическіе монумента: одинъ Клодеевъ, сына Иллова; а другой Эваловъ. Эскулапъ имѣлъ многіе храмы въ Спартѣ, но самый знатнѣйшій изъ нихъ былъ тотъ, который стоялъ поблизости Воонета, и по лѣвую сторону котораго видимъ былъ героическій монументъ Телекловъ.

На семъ же пути находился не большой холмикъ, на вершинѣ котораго стоялъ весьма древній Венеринъ храмъ, а въ храмѣ истуканъ представляющій сію богиню вооруженною. Сей храмъ былъ совсемъ отмѣннаго вида, и собственно говоря, это были два храма один надъ другимъ построенные. Нижній посвященъ былъ Морфѣ, а *Морфа* есть прозваніе Венеры: богиня въ немъ была закрыта, и на ногахъ имѣла оковы. Спартанскіе жители говорятъ, что сіи оковы возложилъ на нее Тиндаръ, чтобъ чрезъ то показать, колико вѣрность женъ къ своимъ супругамъ должна быть неару-

Б 2

нарушима: другїе утверждаютъ, что онъ сїе сдѣлалъ въ отмщенїе Венерѣ, которой онъ невоздержность и любодѣйство собственныхъ своихъ дочерей приписывалъ.

Самый ближайшїй отъ онаго храмъ былъ Иларїевъ и Фебовъ. Къ сводамъ сего храма привѣшено было яицо обвитое пеленами, и народъ вѣровалъ, что сїе яицо родила Леда. Спартанские женщины ежегодно пряли одежду на Аполлоновъ истуканъ, который стоялъ въ Амиклѣ: и мѣсто, въ которомъ они ее пряли, по превозходству названо *Туникою* (одеждою). Поблизости онаго видимъ былъ тотъ домъ, въ которомъ нѣкогда жили Тиндаровы дѣти, и который по томъ купилъ нѣкто простый Спартанецъ именемъ *Формїонъ*. О семъ Формїонѣ повѣствуютъ, что, какъ нѣкогда Дїоскуры пришли къ нему сказавшись прохожими, то потребовали они ночлѣгу, и просили у него какой нибудь комнаты въ его домѣ: къ сему то дому больше прилѣплялись они, когда находились между людьми. Формїонъ имъ сказалъ, что и весь его домъ къ ихъ услугамъ кромѣ одной той комнаты, въ которомъ жила молодая его дочь. Дїоскуры заняли тѣ комнаты, кои имъ дали; но на другой день молодая дѣвушка и служившїе

ей

ей женщины всѣ пропали, и въ ея комнатѣ нашлись два истукана Дїоскуровъ и столъ, а на столѣ нѣсколько благовонной смолы. Такъ повѣствуютъ о томъ Спартанскїе жители.

На пути ведущемъ къ городскимъ воротамъ находился героическій Хилоновъ монументъ. Сей мужъ почитаемъ былъ нѣкогда славнѣйшимъ мудрецомъ и витяземъ Аѳинскимъ. Онъ былъ изъ числа главнѣйшихъ особъ того селенїя, которое Дорикъ Александридовъ сынъ завелъ въ Сицилїи.

Лакедемоняне соорудили также храмъ и своему законодателю Ликургу, такъ какъ богу. Позади сего храма видна была гробница его сына Евкозма, а подлѣ оныя жертвенникъ посвященный Лаѳрїи и Анаксандрѣ, которые были двойнишные сестры бывшїе въ супружествѣ за двойнишнымижъ братьями, дѣтьми Аристодемовыми. Противъ Ликургова храма находилась могила Теопомпова, сына Никандрова, и гробница Евривїадова начальствовавшаго надъ Лакедемонскимъ флотомъ на битвахъ съ Персами при Артемизїи и при Саламинѣ.

За ними находился героическій монументъ Астрабаковъ. Оттуда ходъ

 былъ

былъ въ улицу, которая у нихъ называлась *Лимнейскою*, и въ которой находился храмъ посвященный Діанѣ Орѳіи. Неподалеку отъ сего храма стоялъ храмъ Люцины. Лакедемоняне баснословили, что Дельфійскій Оракуръ велѣлъ имъ почитать Люцину, такъ какъ богиню.

Въ городѣ не было никакой крѣпости, которая бы была построена на возвышенномъ какомъ либо мѣстѣ, такъ какъ Кадмея въ Ѳивахъ, или Ларисса въ Аргосѣ; но внутри ихъ города находились многіе холмы, и самый вышшій изъ нихъ служилъ имъ вмѣсто крѣпости: на немъ стоялъ Минервинъ храмъ подъименемъ *Минервы Полинюки и Халціеки* или *Минервы хранительницы града*. Сему строенію начало положилъ Тиндаръ; по немъ его дѣти предприимали оное окончить, и употребить на него всю цѣну добычи полученной ими отъ Афиднеенцовъ: но какъ сіе предпріятіе совершеннаго окончанія не достигло, то Лакедемоняне, много времени уже спустя, построили новый храмъ, который былъ весь мѣдный, такъ какъ и истуканъ сей богини. Художникъ къ сему дѣлу употребленный назывался *Гитіадомъ*. Внутри храма большая часть Геркулесовыхъ подвиговъ вы-

вырѣзаны были на мѣди. Тамъ же изображены были и походы Тиндаровыхъ дѣтей, а наипаче похищеніе дочерей Левкипповыхъ. По томъ видѣнъ былъ на одной сторонѣ Вулканъ снимающій цепи съ своей матери, а на другой Персей готовый ѣхать въ Ливію для сраженія съ Медузою. Нимфы возлагали ему на голову шлемъ, а на ноги крылатые башмаки, дабы онъ въ случаѣ нужды летать могъ. Не забыто тамъ ничего, что ни принадлежитъ до рожденія Минервы; но чудесная красота съ какою изображенъ тамъ былъ Нептунъ и Амфитрита, помрачила все прочее. Тамъ же находилась божница Минервы Ерганеи.

Около храма построены были двѣ галлереи одна къ югу, а другая къ западу: при первой стояла божница Юпитерова прозваннаго *Козметомъ*, а передъ божницею Тиндарова гробница; на другой галлереѣ стояли два орла съ разпростертыми крылами, изъ которыхъ каждый держалъ побѣду. Сіи орлы суть подарокъ поднесенный Лизандромъ, и при томъ монументъ двухъ побѣдъ, какія онъ одержалъ одну при Ефесѣ надъ Антіохомъ полководцемъ Алкивіадовымъ, начальствовавшимъ надъ Аѳинскими галерами, а другую надъ всѣмъ Аѳинскимъ флотомъ, который

6 4 онъ

онъ разбилъ при Егоспотамѣ. По правую сторону мѣднаго храма находилась божница посвященная Музамъ; ибо Лакедемоняне начинали сраженіе съ непріятелями не по трубному гласу, но по звуку флейты и лиры.

Позади храма стояла божница Венеры Ареи: въ ней находились деревянные столь же древніе истуканы, какіе были и во всей Греціи. По правую сторону онаго храма стоялъ Юпитеровъ истуканъ, сдѣланный изъ колокольной мѣди, который былъ древнѣе всѣхъ прочихъ таковыхъ же мѣдныхъ истукановъ: онъ сдѣланъ не на одной фабрикѣ. Его дѣлали помалу и по частямъ; потомъ сіи части столь хорошо были склепаны, и такъ искусно вмѣстѣ соединены двумя гвоздями, что они составляли весьма твердое цѣлое. Лакедемоняне утверждаютъ, что сей Юпитеровъ истуканъ сдѣлалъ Леархъ Регійскій. Нѣкоторые приписываютъ оную ученику Дипена и Скиллиса, а по мнѣнію другихъ самаго Дедала.

По ту сторону находилось мѣсто называемое *Скинома*, въ которомъ стоялъ образъ нѣкоторой женщины. Лакедемоняне говорили, что онъ былъ Еврилеонинъ, которая прославилась тѣмъ, что

что управила колесницу съ парою лошадей въ бѣганіи, и получила награжденіе на Олимпійскихъ играхъ. На самомъ жертвенникѣ Минервина храма стояли два истукана того Павзанія, который начальствовалъ надъ Лакедемонскимъ воинствомъ на Платейской битвѣ. Повѣствуютъ, что сей самый Павзаній будучи пойманъ и обличенъ въ измѣнѣ, одинъ только былъ такой, который взявши прибѣжище къ олтарю Минервы хранительницы, не нашелъ тамъ желаемой безопасности. Причину сему поставляли то, что Павзаній за нѣсколько прежде того учинилъ убивство, отъ котораго онъ не могъ никакимъ образомъ очиститься. Въ то время, когда сей Государь начальствовалъ надъ корабельнымъ Лакедемонскимъ и союзническихъ воинствомъ на геллеспонтѣ, влюбился онъ въ одну молодую Византинку. Тѣ, которымъ поручено было привести ее въ его комнату, вошедши въ оную при наступленіи ночи, застали его уже спящаго. Клеониса, такъ называлась та молодая Византинка, подходя къ его постелѣ опрокинула по неосторожности горѣвшую въ комнатѣ лампаду: отъ сего стуку Павзаній вдругъ проснулся, и какъ онъ терзаемъ былъ непрестаннымъ безпокойствомъ въ разсужденіи того, что имѣлъ намѣреніе измѣнить своему

 оте-

отечеству ; то почетши сїе дѣло открывшимся, схватилъ свою саблю, и поразивъ оною свою обладательницу , повергъ ее мертву къ своимъ ногамъ. Отъ сего то убивства онъ не могъ очиститься, какїя прошенїя и какїя средства онъ къ тому ни употреблялъ. Вотще онъ бралъ прибѣжище къ Юпитеру Фиксїю , тщетно ходилъ въ Аркадїю къ Фигилею для испрошенїя себѣ помощи отъ тѣхъ людей , которые умѣли возвращать души умершихъ изъ ада : ничто ему не помогло, и онъ напослѣдокъ удовлетворилъ богу и Клеонисѣ достойною за свое преступленїе казнїю. Лакедемоняне по точному повелѣнїю Дельфїйскаго Оракула поставили по томъ два истукана сему Государю , и воздавали нѣкоторый родъ богослуженїя Епидотову духу въ томъ мнѣнїи , что сей духъ умилостивлялъ богиню.

По сихъ истуканахъ видимъ былъ истуканъ Венеры прозываемой *Амполо-герою*, то есть удаляющею старость : и сей истуканъ поставленъ былъ также по изреченїю Оракула. По томъ видны были истуканы Сна и Смерти , которые , по словамъ Гомеровой Илїады , были братья. Оттуда ходъ былъ въ Альпїйскую улицу , гдѣ находился храмъ Минервы *Офѳалмитиды*, то есть Ми-

Минервы хранительницы очей. Повѣствуютъ, что самъ Ликургъ посвятилъ Минервѣ сей храмъ подъ симъ имянемъ въ память того, что какъ во время возмущенія Алкандръ, которому его законы не нравились, вышибъ ему глазъ; то его на семъ мѣстѣ защитилъ народъ, безъ чего онъ лишился бы и другаго глаза, а можетъ быть и самой жизни.

Далѣе находился храмъ Аммоновъ: ибо казалось, что Лакедемоняне охотнѣе всѣхъ прочихъ Грековъ прибѣгали къ сему Ливийскому Оракулу. Повѣствуютъ еще и то, что когда Лизандръ осадилъ городъ Афитисъ близъ Паллены лежащій, видѣлъ въ сновидѣніи бога Аммона, который совѣтовалъ, какъ для его такъ и всѣхъ Лакедемонянъ пользы, оставить осажденныхъ въ покоѣ. Онъ столько оказалъ послушанія сему совѣту, что снялъ осаду, и склонилъ Лакедемонянъ еще къ большему противъ прежняго почитанію Аммона: а что за подлинно уже извѣстно, что Афитисцы столь же почитаютъ сего бога, какъ и сами Ливійцы.

Естьли сіе описаніе *Спарты* покажется кому нибудь продолжительно, то я прошу всякаго вспомнить то, что

ви

ни ворота, ниже ключи древнихъ Спартанцовъ не оставлены безъ описанія въ исторіи. Можетъ ли кто нибудь себѣ представить, какимъ образомъ сдѣланы были Спартанскіе ворота, говоритъ смѣючись г. Гвиллетіеръ? Придетъ ли кому нибудь на умъ, чтобъ ихъ видъ изображали звѣзды? Однако оной точно обрѣтается въ созвѣздіи Кассіопеи. Естьли кто въ ясную погоду усмотритъ южную звѣзду находящуюся надъ головою, и сѣверную стоящую въ ея колесницѣ, и примѣтитъ другіе двѣ между ими находящіеся, то всѣ сіи четыре звѣзды представятъ ему изображеніе Лакедемонскихъ воротъ, въ срединѣ перегороженныхъ, и на обѣ стороны отворяющихся. О семъ увѣряетъ насъ Ѳеонъ въ своемъ толкованіи на Арата: тѣ, которые не умѣютъ смотрѣть на небо, могутъ видѣть начертаніе Спартанскихъ воротъ въ Бейеровыхъ фигурахъ.

Чтожъ касается до ключей, то знаменитость оныхъ мы и противъ воли признать должны. Менандръ, Свидасъ и Плавтъ всѣ согласно объ нихъ пишутъ. Аристофанъ говоритъ, что на нихъ было по три зубца, и что они были опасны и очень цепки. Но описаніе сатирика старающагося подлымъ образомъ угодить Аѳинскому народу, кото-

котораго всѣми пороками онъ былъ наполненъ, не могутъ насъ преклонить на свою сторону. Сей стихотворецъ будучи преизполненъ вообраҗеній, надъ которыми владычествовало природное его злословіе, не могши коснуться муҗества Спартанцовъ, ни ихъ добродѣтелей, ничего больше для осмѣянія не нашелъ, кромѣ ихъ ключей. (*Капалеръ де Жокуртъ*).

По собраніи описанія города Спарты съ его, такъ сказать, развалинъ, предадимъ потомству и ихъ законы, яко самую лучшую похвалу ихъ законодателей. Обыкновенно Ликурга почитаютъ основателемъ государства единственно военнаго; а Спартанскій народъ такимъ народомъ, который умѣлъ только повиноваться, терпѣть, и умирать. Но надлеҗало моҗетъ быть видѣть въ Ликургѣ и такого человѣка, который наилучше проникнулъ въ естество человѣческое; а наипаче, который лучше всѣхъ дознаkъ, до какого степени законъ, возпитаніе, общеҗительство могутъ перемѣнить человѣка, и какимъ образомъ моҗно сдѣлать его благополучнымъ, вкорененіемъ въ него такихъ навыковъ, которые каҗутся совсемъ противными его склонностямъ и его природѣ.

Надле-

Надлежало бы въ Ликургѣ видѣть самый проницательнѣйшій и самый дальновиднѣйшій разумъ, какого можетъ быть никогда не бывало, и который составилъ самую согласнѣйшую изъ всѣхъ по сіе время извѣстныхъ и самую твердѣйшую систему законовъ.

Нѣкоторые изъ сихъ законовъ были вообще охуждаемы; но естьли бы ихъ разсмотрѣли въ томъ отношеніи, какое они имѣли со всеобщею системою, то имъ бы только удивляться стали. Естьли кто подробно разберетъ все начертаніе его законоположенія, тотъ не найдетъ ни одного закона, который бы не необходимо былъ надобенъ къ составленію сего начертанія, и который бы не прибавлялъ совершенства тому порядку, какой учредить старался.

Ему надлежало приводить въ порядокъ народъ возмутительный, жестокосердый и безсильный: ему должно было привесть народъ въ состояніе противиться покушеніямъ многихъ городовъ угрожающихъ ему отнятіемъ вольности: слѣдовательно надобно было ему вперить въ народъ послушливость и военные добродѣтели, и надобно было сдѣлать весь народъ искусными Витязями.

На-

Начало сему положилъ онъ перемѣною правленія. Онъ учредилъ Сенатъ, который былъ хранителемъ силы законовъ и вольности. Лакедемонскіе Цари стали имѣть только одну честь безъ всякой власти; народъ сталъ покоренъ законамъ, не видно же стало и домашнихъ раздоровъ; но сія тишина не есть плодъ одной перемѣны правленія.

Ликургъ умѣлъ еще склонить богатыхъ къ тому, чтобъ бросили свое богатство; онъ раздѣлилъ Лаконію на части; онъ отвергъ золото и серебро, а на мѣсто ихъ ввелъ монету желѣзную, которой въ великомъ числѣ ни сохранять ни перевозить было не можно.

Онъ установилъ свои всенародные обѣды, на которые всякой приходить былъ долженъ, и на которыхъ владычествовала самая совершеннѣйшая трезвость.

Онъ предписалъ также образъ для доможительства, для домашнихъ уборовъ, и для одежды съ такою одновидностію и простотою, которая не давала мѣста никакой роскоши. Такимъ образомъ перестали въ Спартѣ любить богатство, когда пользоваться онымъ стало невозможно: меньше начали стараться о

своемъ

своемъ собственномъ добрѣ, нежели о государственномъ, къ которому любовь отъ всего раждалась. Духъ собственности изчезъ въ нихъ даже до того, что всякъ употреблялъ и невольниковъ и лошадей, и своихъ и своего сосѣда безъ всякаго разбору. Никто не смѣлъ не отпустить и своей жены добродѣтельному гражданину.

Съ самаго нѣжнаго младенчества приучали дѣтей къ тѣлеснымъ упражненіямъ, трудамъ и къ самымъ болѣзнямъ.

Весьма много укоряли Ликурга тѣмъ, что онъ осудилъ на смерть всѣхъ тѣхъ младенцовъ, которые раждались слабыми или увѣчными: сей законъ, говорятъ, есть неправеденъ и безчеловѣченъ. Онъ бы и дѣйствительно былъ таковъ, въ такомъ законоположеніи, въ которомъ бы богатство, дарованія, увеселительныя изобрѣтенія разума могли дѣлать благополучными, или полезными людей нѣжнаго сложенія; но въ *Спартѣ*, гдѣ безсильный человѣкъ ничего кромѣ презрѣнія и нещастія ожидать не долженъ, человѣколюбіе того требовало, чтобъ предупредить сіи ихъ бѣдствія отнятіемъ ихъ жизни.

Упрекали Ликурга также и жестокосердіемъ за установленіе Діанина празд-

празднества, на которомъ сѣкли малыхъ дѣтей предъ жертвенникомъ сея богини, гдѣ и самый малѣйшій произнесенный ими вопль подвергалъ ихъ должайшему наказанію. Ликургъ чрезъ сіи празднества приобучалъ дѣтей къ болѣзни. Онъ изтребилъ въ нихъ всякій страхъ оныя для того, что отъ него еще больше разслабляется мужество, нежели отъ страха смерти.

Онъ узаконилъ, чтобъ дѣти отъ пяти лѣтъ своего возраста учились плясать по Пиррически. Всѣ пляшущіе должны быть вооружены. Они дѣлали въ складъ и по голосу флейты всѣ военные перевороты, которые безъ такой мѣры не могли производиться съ надлежащею точностію. Естьли кто прочтетъ въ Ксенофонтѣ то, что онъ писалъ о Тактикѣ и переворотахъ Спартанскихъ, тотъ увидитъ, что они безъ навыка и непрестаннаго упражненія не могли быть въ оныхъ превозходными.

По Пиррическомъ самое употребительнѣйшее пляcаніе было Гимнопедическое: оно изображало борьбу и поединокъ, и посредствомъ сильныхъ движеній, какія должны были въ немъ дѣлать пляшущіе, оно споспѣшествовало къ выправленію и укрѣпленію тѣла.

Лакедемоняне обязаны были много упражняться въ бѣганіи, и они часто получали за то награжденія и на Олимпійскихъ играхъ.

Почти все юношеское время употребляемо было на сіи упражненія, и мужескій возрастъ не былъ изъятъ отъ онаго. Ликургъ, будучи совсемъ отмѣненъ отъ другихъ незнатныхъ законодателей, соглашалъ силу, дѣйствіе и взаимное супротивленіе естественныхъ и нравственныхъ человѣческихъ склонностей, и старался и тѣла ихъ устроять такъ, чтобъ они могли питать въ себѣ суровый нравъ, который онъ вложить въ нихъ хотѣлъ. Но какъ вперять и питать въ нихъ сіи нравы есть дѣло возпитанія; то оно отнято было у родителей и ввѣрено государству. Одинъ начальникъ смотрѣлъ за симъ всеобщимъ возпитаніемъ, и имѣлъ въ своемъ вѣдомствѣ другихъ людей извѣстнаго благоразумія и добродѣтели.

Дѣтей обучали законамъ; вперяли въ нихъ почтеніе къ онымъ, послушливость къ начальникамъ, презрѣніе къ болѣзни и къ смерти, любовь къ славѣ, и омерзѣніе отъ всего постыднаго. Больше всего внушаемо было имъ почтеніе къ старикамъ: и они пришедши уже

и въ мужескій возрастъ, оказывали имъ пристойные и весьма чувствительные знаки онаго. Въ *Спартѣ* возпитаніе продолжаемо было и до совершеннаго возраста. Младенцы и совершенные люди были всегда государственными учениками.

Сіе продолженіе послушливости, и сіе непрерывное теченіе неимущества, трудовъ и суровости, съ перваго виду показываютъ жизнь скучною и жестокою, а народъ нещастнымъ.

Но изъ Платона, Плутарха и Ксенофонта мы увидимъ, какимъ образомъ столь необычайные законы и столь строгіе нравы могли сдѣлать народъ самымъ благополучнѣйшимъ въ свѣтѣ.

Не видно было въ Спартѣ, чтобъ бѣдность сожительствовала съ богатствомъ, и слѣдовательно тамъ было гораздо меньше, нежели вездѣ индѣ, зависти, соперничества, нѣжности, ниже другихъ неисчетныхъ страстей изнуряющихъ человѣка, ни той жадности, которая частную пользу противополагаетъ всеобщему добру, и вооружаетъ гражданина противъ гражданина.

Правосудіе у нихъ не было запутано множествомъ законовъ: одни излише-

ства и роскошь, одни раздѣлы, мятежи и зависть, отъ неравенства имѣній раждающїяся, умножаютъ тяжбы и рѣшительные на нихъ законы.

Въ *Спартѣ* мало было зависти, но великое господствовало соперничество въ добродѣтели. Сенаторы тамъ избираемы были народомъ, который опредѣлялъ на всякое праздное мѣсто *самаго добродѣтельнѣйшаго человѣка изъ всего города.*

Столь трезвые оные обѣды, и столь трудныя упражненїя были соединены съ безчисленными удовольствїями: всякъ ощущалъ въ нихъ самое чувствительнѣйшее и самое прїятнѣйшее побужденїе, то есть, побужденїе добродѣтели. Каждый гражданинъ былъ наиревностнѣйшїй наблюдатель порядка и благопристойности, и оное находилъ всегда. Каждый естьли шелъ въ собранїе, то шелъ веселиться добродѣтелїю своихъ согражданъ, и принимать свидѣтельства ихъ къ себѣ почтенїя.

Никакой законодатель не умѣлъ столь хорошо, какъ Ликургъ, употребить ту взаимную склонность, какую природа влїяла въ оба пола, на возбужденїе людей къ добродѣтели.

Что

Что Ликургъ узаконилъ , чтобъ и женщины дѣлали тѣ же самыя упражненія, какъ и мущины, то сіе онъ учинилъ не для того только , чтобъ женщины , сдѣлавшись чрезъ то крѣпчайшими , производили здоровыхъ и крѣпкаго сложенія дѣтей ; но и для того , что онъ зналъ, что каждый полъ охотно идетъ всюду, гдѣ онъ надѣется найти другой. Можетъ ли быть лучшая приманка къ любленію борьбы и тѣлесныхъ упражненій для молодыхъ Спартанъ , какъ тѣ молодые дѣвушки , которые или сами съ ними подвизаться долженствовали , или смотрѣть на подвизающихся? Такое позорище прелестно было и для стариковъ , которые присудствовали при подвигахъ , и которые должны были наблюдать цѣломудріе при тѣхъ обстоятельствахъ , въ коихъ законъ дозволялъ нѣсколько отступать отъ стыдливости.

Сіи молодые въ добродѣтельныхъ домахъ возпитанные , и Спартанскими правилами напаяемые дѣвицы, или награждали Спартанъ своими похвалами , или наказывали охужденіями : надобно было заслуживать отъ нихъ почтеніе, чтобъ получать ихъ въ супружество ; а тысяча другихъ затрудненій еще больше раздражали желаніе жениховъ. Они

Они иначе не могли видѣться съ своими невѣстами какъ тайно: они могли только наслаждаться свиданіемъ, а не насытиться онымъ.

Вѣра, въ сходственность съ законами, вдыхала также удовольствіе и добродѣтель: у нихъ обожаема была Венера, но Венера вооруженная, и богослуженіе ихъ было просто. Въ неукрашенныхъ своихъ, но часто посѣщаемыхъ храмахъ, они дѣлали богамъ приношенія малыя, дабы быть въ состояніи дѣлать оныя всегда.

По Венерѣ Касторъ и Поллуксъ содержимы были у нихъ въ наилучшемъ почтеніи: они прославились на подвигахъ употребительныхъ въ *Спартѣ* они были образецъ геройскаго мужества и великодушной дружбы.

Лакедемоняне примѣшивали къ своимъ подвигамъ пѣнія и празднества. Сіи празднества установлены были въ воспоминаніе ихъ побѣдъ, и они пѣли похвалы богамъ и героямъ.

Читанъ былъ у нихъ Гомеръ, который, такъ сказать, возжигаетъ любовь къ славѣ: Ликургъ сдѣлалъ ему наилучшее изданіе.

Сти-

Стихотворица Терпандра призвана была изъ острова Лезвоса, у которой просили они пѣсней могущихъ умягчать человѣческiя сердца; и когда ходили на сраженiе, то всегда пѣли стихи изъ Тиртеи.

Лакедемоняне соорудили храмъ и Грацiямъ, изъ которыхъ они почитали только двухъ, коимъ они приписывали благодѣтельной въ людяхъ духъ, равенство склонностей, и общежительственные добродѣтели: сiи Грацiи не имѣли сообщенiя съ Венерою, ни съ вѣтреными музами.

Ликургъ въ храмѣ Грацiй поставилъ истуканъ и Смѣху: веселость господствовала во всѣхъ Лакедемонскихъ собранiяхъ, ихъ шутливость была жива, и при томъ полезна; по тому что у нихъ смѣха достойнымъ почиталось только то, что противно было порядку, вмѣсто того, что въ нашихъ изпорченныхъ нравахъ и добродѣтель, будучи не весьма употребительна, часто бываетъ предлогомъ посмѣянiя.

Въ *Спартѣ* не было ни одного положительнаго, ни гражданскаго закона, ниже обыкновенiя, которое бы еще больше не разпаляло любви къ отечеству, къ славѣ и къ добродѣтели, и

не

не споспѣшествовало бы посредствомъ сихъ страстей благополучїю гражданъ.

Женщины раждали у нихъ на щитахъ: Царей выбирали они изъ Геркулесова потомства, и никому они гробницъ не ставили кромѣ умершихъ на сраженїи.

Похвалы великихъ ихъ людей и описанїя славныхъ ихъ дѣлъ читаны были на общенародныхъ мѣстахъ. Нѣтъ ни одного народа, у котораго бы столько собрано было остроумныхъ словъ изъявляющихъ величество ихъ душъ, и у котораго бы столько нашлось монументовъ въ честь добродѣтели сооруженныхъ, какъ у Спартанъ. Сколь драгоцѣнна та надпись, которая изображена была на гробницѣ трехъ сотъ витязей принесшихъ себя на жертву спасенїю отечества при Термопилахъ сими словами: *Прохожїй! скажи въ Спартѣ, что мы умерли здѣсь единственно повинуясь святымъ ея законамъ.*

Естьли возпитанїе и послушливость простирались у нихъ и до совершеннаго возраста, то удовольствїя предоставлены были для старости. Старики ихъ были судьи подвиговъ, судьи разума и добрыхъ дѣлъ. Оказываемое имъ почте-

нїе

ніе обязывало ихъ быть добродѣтельными до послѣдняго своего издыханія ; и сіе почтеніе есть сладчайшая утѣха для изнуренной старости Никакой чинъ и никакое достоинство не могло освободить гражданина отъ обязательства воздавать честь старикамъ, которая была единственнымъ ихъ услажденіемъ. Какъ нѣкоторые иностранные предложили Лакедемонскому полководцу, чтобъ приказалъ носить себя въ качалкѣ, то онъ отвѣтствовалъ : *избави Боже, чтобъ я заперъ себя въ такую коляску, въ которой мнѣ не можно будетъ и встать, естьли я встрѣчусь съ старикомъ.*

Законоположеніе Ликурґово, столь способное ко внушенію людямъ любомудрія и храбрости, не могло возбуждать въ нихъ честолюбія. *Спарта* съ желѣзною своею монетою не могла простирать своихъ военныхъ дѣйствій до отдаленныхъ земель. Ликургъ не позволилъ имѣть своему народу никакого мореходнаго снаряду, хотя онъ и окруженъ былъ моремъ. *Спарта* разположена была такъ, чтобъ быть ей навсегда вольною, а не завоевательницею ; она старалась только наблюдать свои права и жить при оныхъ; она чрезъ долгое время обладала судьбиною всея Греціи ; у нее просили гражданъ для начальствованія надъ воин-

 ствомъ

ствомъ: Ксантиппъ, Гилиппъ и Врадидасъ суть славные тому примѣры.

Надобно думать, что Лакедемоняне были горды и презрительны: ибо какого мнѣнія имъ надлежало быть о самихъ себѣ, когда они сравнивали себя съ прочею Грецїею? Но изъ того не слѣдуетъ, чтобъ сей народъ былъ свирѣпъ: онъ весьма наблюдалъ общежительственныя добродѣтели, и много оказывалъ снизходительства, хотя оно больше произходило отъ гордости, нежели отъ благосклонности. Когда нѣкоторые Клазоменяне ругались надъ Спартанскими начальниками, то они наказали ихъ одною насмѣшкою: ихъ Ефоры пустили въ народъ слѣдующїй отвѣтъ: *Клазоменянамъ не запрещено дурачиться.*

Правительство и нравы Спартанскїе испортились: ибо никакое правительство не можетъ избѣжать сей судьбины, и оно неотмѣнно должно разрушиться отъ тѣхъ обстоятельствъ, которыхъ законодатели предусмотрѣть не могли. Честолюбїе и могущество Аѳинянъ принудили Лакедемонїю испортиться, принудивъ ее впустить къ себѣ золото и серебро, и посылать своихъ гражданъ въ отдаленные земли, изъ которыхъ возвращались они хотя и со славою, но обремененные иностранными пороками.

Теперь

Теперь видны одни только развалины Лакедемона, и его не должно почитать такъ, какъ Тревусской словарь объ немъ свидѣтельствуетъ, Епископскимъ городомъ зависящимъ отъ архїепископства Коринѳскаго.

